

А. Б. ЮДКИНА
(Тула)

ТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМЫ УВЕКОВЕЧЕНИЯ ПАМЯТИ О ТРАВМАТИЧЕСКИХ СОБЫТИЯХ В РОССИИ

***Аннотация.** В статье рассматриваются такие традиционные формы увековечения памяти о травматических событиях в России, как скудельницы, кресты-кенотафы, различные виды православных храмов-памятников и военных мемориалов, а также коммеморации, с ними связанные. Автор анализирует исторический и прагматический контексты создания данных традиций, а также их влияние на современные процессы мемориализации.*

***Ключевые слова:** мемориальные традиции в России, скудельницы, кенотафы, курганы, храмы «на крови».*

Традиции увековечивания памяти трагических событий и их жертв, а также мемориализация мест их захоронений (в том числе установка памятных знаков в местах неестественной, внезапной гибели человека) в истории российских городов существуют на протяжении многих столетий. Изучение традиционных форм увековечения памяти приобретают особую актуальность, так как при создании современных мемориалов, посвященных жертвам резонансных трагедий, к этим формам активно обращаются, и именно традиционность становится иногда решающим аргументом при выборе способа мемориализации. Одной из теоретических рамок моего исследования является теория «культурной травмы». Войны, эпидемии, голод, акты насилия и террора, убийства правителей — вот тот неполный список социальных потрясений, которые происходили и в истории нашей страны. П. Штомпка включает их в перечень «потенциально травматических событий» или «социальных (культурных) травм», которые определяются как состояния напряже-

ния, связанные с конкретными социальными изменениями: они носят неожиданный, радикальный, непредсказуемый характер и затрагивают основы общества [Штомпка 2001, 8—9]. Как справедливо отметил Дж. Александер, «события не являются травмирующими по своей внутренней природе, травма — свойство, приписываемое событию при посредстве общества» [Александер 2012, 16]. Вопрос, являлись ли все перечисленные события «культурными травмами» для определенных сообществ, составляет предмет отдельного исследования. В данном контексте я обращаюсь к теории «культурной травмы», так как одной из стратегий преодоления травматического опыта является его мемориализация. В фокусе данной статьи будут те мемориальные формы, которые относятся к переводу «утраты на язык предметов или инвестирования эмоций в определенные символические структуры» [Ушакин 2009, 16], то есть архитектурные сооружения религиозного и светского характера, а также коммеморации, с ними связанные. В качестве дополнительной теоретической перспективы моего исследования я также использую теорию «культурной памяти» Я. Ассмана. Он рассматривает память об умерших как «первичную форму культурного воспоминания», которая занимает промежуточное положение между коммуникативной памятью, так как она свойственна всем людям, и культурной памятью, поскольку вырабатывает специальных носителей, обряды и институты [Ассман 2004, 64].

Одной из первых институализированных форм увековечения в городе таких бедствий, как голод и мор, являются **убогие дома**, или **«скудельницы»**. Пространство скудельницы включало, как правило, культовое мемориальное сооружение: от памятного креста, часовни или храма до сложного монастырского комплекса, в который входили и сами скудельницы. Например, вокруг убогих домов образовались такие монастыри, как Святых Апостолов Пропастях в Великом Новгороде и Святых Жен-Мироносиц со Скудельниц в Пскове [Жен-Мироносиц], Покровский [Снегирев]

и Варсонофьевский (о котором сейчас напоминает только название переулка) монастыри в Москве [Кондратьев 1997, 382], а также Троицкий Даниилов монастырь в Переславле-Залесском.

Впрочем, скудельницы могли не носить ярко выраженного мемориального характера и не быть связанными с памятью о социальной травме, а выполнять исключительно санитарную функцию в условиях города. Об этом свидетельствует описание историка Е. Голубинского: «...умиравших несчастными и внезапными смертями... не отпевали и не клали на кладбищах при церквях, а неотпетых отвозили на так называемые убогие дома, иначе божедомы или божедомки и скудельницы, которые находились вне городов, на вспольях. *Эти убогие дома были не что иное, как большие и глубокие ямы, иногда имевшие над собою "могильные храмы", попросту сараи, иногда же, кажется, нет* (курсив мой. — А. Ю.). В эти ямы клали и бросали тела и оставляли их не засыпанными до седьмого четверга по Пасхе, или до Семика. В этот последний посылались священники отпеть общую панихиду, а граждане, мужи и жены, приходили "проводить скудельницы", принося с собой к панихиде канон или кутью и свечи. После панихиды пришедшие проводить скудельницы мужи и жены Бога ради засыпали яму с телами и выкапывали новую» [Голубинский 1881, 396].

Само слово «скудельница» является книжным, оно взято от евангельского «села (поля) скудельнича», которое находилось недалеко от Иерусалима, его купили иудейские первосвященники, получив от Иуды обратно 30 сребренников. Их употребили «в погребение странным», т. е. для иудеев, приходивших из отдаленных стран на поклонение в Иерусалимский храм и не имевших там специального кладбища на случай внезапной смерти [Снегирев 1826, 238]. По другой версии, «скудельница» происходит либо от слова «скудость» (убожество), либо, что вероятнее всего, от слова «скидель», то есть «глиняная посуда»: в старину скудельницами назывались места, богатые глиной и не пригодные к посевам. Когда выбирали

всю глину, место отдавали под погребение странников, нищих, инородцев и умерших в эпидемиях [Кондратьев 1997, 392]. В Евангелии говорится: «купили... землю горшечника, для погребения странников» (Мф. 27: 7).

Д. К. Зеленин отмечал книжный характер и названия «убогих домов», которое чаще всего встречается в официальных актах. Это наименование должно было означать: «дом для убогих, для тех бедных людей, у кого по смерти не оказалось родных или других близких лиц, которые могли бы погребсти мертвого». В просторечии оно звучало обычно «божедом», «боже-домка», поэтому иностранец Флетчер ошибочно записал — «Божий дом» [Зеленин 1995, 96—97].

Впервые скудельницы упоминаются в Новгородской летописи уже за 1214 и 1230 гг.: «Когда голод был велик <...> тогда мерли мнозии человецы...и скудельницу наметаша» [Новгородские летописи 1879, 16—18]. В 1230 г. по приказу архиепископа Спиридона была установлена скудельница у храма Святых Апостол в яме на Прусской улице — «и въложи Бог в сердце благое сотворити архиепископу Спиридону: и постави скудельницу» [Снегирев 1826, 252]. В 1230 г. в Воскресенской летописи есть свидетельство о существовании скудельницы в Смоленске: «Того же лета бысть мор силен во Смоленци, сотвориша 4 скудельницы...» [Летопись 1856, 137]. Первое упоминание о селе скудельничем в Москве содержится в Софийском временнике за 1474 г. [Софийская 2001, 217]. В убогом доме «за Серпуховскими воротами близ большой дороги» захоронили тело Лжедмитрия. Его убили 17 мая 1606 г., тело пролежало на Красной площади три дня, а впоследствии его вынули из могилы, сожгли и, смешав пепел с порохом, выстрелили им из пушки в ту сторону, откуда Лжедмитрий пришел в Москву [Карамзин 1998, 319—320]. Убогие дома были также в Киеве, Владимире, Вятской и Нижегородской губерниях, Вологде, Торжке, Соликамске, Суздале, Устюге Великом и Ярославле.

Таким образом, первоначально убогие дома создавались при городах для

захоронения жертв голода и моровых язв, впоследствии в них стали приводить всех умерших неестественной или насильственной смертью (казненных, умерших от ран или несчастного случая, утонувших, убитых, умерших иноверцев и пришедших издалека), отношение к которым в обществе было неоднозначным и в определенной степени травматичным. Они считались отверженными и недостойными погребения на кладбище и отпевания, впрочем, самоубийц не хоронили в убогих домах, их зарывали в лесу или в поле [Костомаров 1860, 178]. Об этом говорится в правиле патриарха московского Адриана от 1697 г.: «А который человек обесится, или зарежется, или, купаясь и похваляясь и играя, утонет, или вина опьется, или с качели убьется, или иную какую сам над собою своими руками учинит, или на разбое и на воровстве каком убит будет: и тех умерших тел у церкви Божии не погребать и над ними отпевать не велеть, а велеть их класть в лесу или на поле, кроме кладбища и убогих домов» [Зеленин 1995, 91, 109].

Впрочем, наряду с достаточно определенным маргинальным статусом таких покойников существовало представление об их возможной святости. Об этом свидетельствует житие Даниила Переяславского, подвижника благочестия XV в., впоследствии канонизированного. Этот святой на своих руках относил умерших странников, убитых, замерзших, утонувших бедняков в скудельницу и ночью ходил их отпевать. Как гласит житие, он и игумен Никитской обители, в которой жил Даниил, иногда видели на скудельнице огонь, а изнутри доносилось пение. Тем же преподобным Даниилом через некоторое время над скудельницей был возведен монастырь с храмом, посвященным Всем Святым, чтобы ангелы покровительствовали похороненным там, а если кто из усопших уже сам находился в лике праведных, то чтобы и ему воздавались подобающие почести [Житие].

Тела покойников лежали в убогих домах без погребения до седьмого четверга по Пасхе, когда праздновался Семик, или до Покрова Богородицы.

В «Уставе архиерейского служения» XVII в. указано, что «в четверг седьмой недели по Пасхе происходил обряд погребения странных на скудельницах или Божьих домах, куда свозились в течение года тела погибших насильственной смертью, казненных преступников и умерших от заразы. Скудельниц в Новгороде обыкновенно (исключая время моровых поветрий) было две: одна при монастыре Рождества Христова на Торговой стороне, а другая при церкви Двенадцати Апостолов на Софийской стороне. В среду служили на скудельницах по умершим общую панихиду, а в четверг обедню. По совершении обряда погребения божедомский приказчик давал игумену со всем собором за панихиду гривну московскую, а за обедню игумену гривну, игуменскому дякону 10 денег...» [Зеленин 1995, 129].

Епископ Афанасий (Сахаров) говорит о Семике как о «добром обычае старины», который был распространен, главным образом именно в городах [Епископ Афанасий 1995]. Вот как описывается Семик в Москве XVII в.: «В Семицкий четверг, на седьмой седмице по Пасхе... бывал на Божедомку из ближайшего монастыря или собора крестный ход и стекался народ с гробами, одеждами и саванами для мертвых: благочестивые сами из усердия разбирали голыми руками тела, по большей части завернутые в рогожки, и по христианскому милосердию, не гнушаясь отвратительного вида и запаха трупов, долго лежавших в ямнике сарая, “опрятывали” оные, надевали на них белые рубахи и саваны, потом клали в гробы, опускали в приготовленные для сего ямы и зарывали; иные между телами находили своих родных или знакомых, без вести пропавших. По завалении этих ям духовенство совершало общую панихиду, после чего доброхотными дателями раздавалась Божедому и собравшимся на Убогий дом нищим милостыня и приносимые туда съестные припасы, как-то: блины, пироги, калачи и пр.» [Снегирев 1826, 239—240]. Например, к храму Иоанна Воина, который находился на Божедомском убогом дому, крестный ход шел от Петровского монастыря.

О Семике¹ как о «трогательном» христианском обычае, свидетельствующем о набожности и сострадательности к умершим москвитян XVIII в., пишет И. Милютин, отмечая, что этот обычай встречался только в одной Москве [Милютин 1850, 84, 199—200]. Впрочем, свидетельства его более широкой географии приводились выше, в том числе в городе Котельниче Вятской губернии в Семик совершалась «всемирная панихида» на площади над ямой, которую местные жители считали могилой воинов, «павших в сече с новгородскими выходцами» [Зеленин 1995, 57].

В Москве было четыре известных убогих дома: один на Пречистенке, недалеко от Мертвого переулка (сейчас Большой Власьевский переулок), где и по сей день находится церковь Успения Пресвятой Богородицы на Могильцах. Второй — за Серпуховскими воротами; третий — за Таганкой, где был основан Божедомский монастырь (сейчас Покровский), четвертый (вероятно, самый первый в Москве) — убогий дом на Самотеке при Крестовоздвиженском монастыре с церковью Иоанна Воина. По этому заведению местность получила название Божедомка; появились улицы Старая Божедомка (сейчас ул. Дурова), а в XIX в. Новая Божедомка (сейчас ул. Достоевского) [Лебедева 2012].

В 1723 г. Петр I запретил хоронить при городских церквях внутри земляного вала в Москве [Сытин, 1947, 188]. В 1732 г. (по другой версии, в 1746 г.) Божедомский убогий дом, уже единственный в городе, был перенесен дальше в поле недалеко от Марьиной роши [Кондратьев 1997, 392; Сытин 1958, 748]. До того как в Марьину рошу перевели Божедомский убогий дом, в ней в XVII—XVIII вв. находилось немецкое кладбище. По одной версии, убогий дом в Марьиной роше прекратил свое существование в 1750-х гг., когда в 1746—1748 гг. там устроили первое большое кладбище, названное по кладбищенской церкви Лазаревским [Сытин 1958, 529, 744]. По другой версии, дом продолжал действовать вплоть до 1763 г., когда ука-

зом Синода от 29 апреля было постановлено отпеть и закопать имеющихся на тот момент покойников, но больше не привозить туда новых умерших [Кондратьев 1997, 393].

Екатерина Великая указом от 25 марта 1771 г. запретила погребение во всех убогих домах [Зеленин 1995, 99]. Сыграло роль и то, что в этот год в Москве была эпидемия чумы, и для захоронения покойников начали устраивать специальные общие кладбища. Так, были открыты моровое Даниловское кладбище у стен Свято-Даниловского монастыря за Серпуховской заставой, Пятницкое кладбище — за Крестовской (Троицкой) заставой, Дорогомиловское кладбище — за Дорогомиловской заставой, Ваганьковское кладбище — за Пресненской заставой, а также Калитниковское кладбище — в Калитниках [Кондратьев 1997, 374; Сытин 1947, 194, 168, 199, 201, 218]. На этих кладбищах погребали и бездомных; таким образом, убогие дома оказались излишними. Впрочем, в убогих домах продолжали хоронить вплоть до второй трети XIX в., однако лишь в отдаленных уголках страны, например в г. Дедюхине Пермской губернии [Зеленин 1995, 99].

После того как убогие дома были закрыты, в Семик над ними продолжали совершаться панихиды (так называемые вселенские, или «всемирные», панихиды). В отдельных губерниях (например, Вятской, Иркутской, Казанской и Пермской) вплоть до начала XX в. сохранялись народные поминальные обычаи: бросание в яму яиц и денег, катание глиняных шаров, свист в дудки и т. д. [Зеленин 1995, 130—132]. В Марьиной роше Семик превратился в народное гулянье — сначала для родственников погребенных на кладбище, но уже в начале XIX в. сюда стекалась публика из разных слоев населения (в мае 1827 г. его посетил А. С. Пушкин); гуляния в Марьиной роше продолжались до конца XIX в. [Сытин 1958, 748—749; Кондратьев 1997, 361].

В настоящее время наблюдается определенный интерес к православной версии Семика, основной частью которого являлось массовое богослужение на месте братского захоронения. 137

¹ Подробнее о Семике см.: [Снегирев 1838, 100; Терешенко 1848, 151; Тульцева 2001, 143].

Этот интерес наблюдается в кругу ученых, музейных сотрудников и священнослужителей Мемориального центра «Бутово» [Итоговый документ 2005]. Ежегодно с 2000 г. на Бутовском полигоне в 4-ю субботу по Пасхе отмечается Собор Новомучеников Бутовских и совершается Патриаршее богослужение под открытым небом [Бутовский полигон]. Таким образом, данная поминальная традиция возрождается для мемориализации жертв политических репрессий 30—50-х гг. XX в.

Одной из форм частной или индивидуальной мемориализации жертв убийства или несчастных случаев являются каменные **кресты-кенотафы**², которые устанавливали непосредственно на месте преждевременной и/или насильственной смерти, как правило, при дороге и/или в лесу. Возможно, кресты-кенотафы делались и из других материалов, например дерева, но они либо совсем не сохранились, либо дошли до нас в виде, который не позволяет их атрибутировать как данный тип. Традиция устанавливать каменные кресты начинается в разных землях Руси с XII в. и получает наибольшее распространение в западных регионах. Наиболее ранние каменные кресты устанавливались и как надгробные, и как обетные памятники. Уже в XIV—XVI вв. каменные кресты становятся обычными надгробиями на сельских курганно-жальничных могильниках Новгородской земли [Яшкина 1998].

По данным археологии, самые ранние каменные кресты-кенотафы на территории Центральной России датируются XVII в. До нас дошли че-

тыре белокаменных креста-кенотафа, найденных в Подмоскowie. Первый — около Шуи, рядом с дорогой на Палех, на кресте написано: «Лета 7132 <1624 г.> октомвриа 19 дня на память святаго пророка Иолия убиен бысть раб Божий Григорий Иванов сын Груздев». Согласно преданию, Груздев был богатым купцом, гостем, убитым разбойниками [Золотов 1960, 335]. Второй крест был найден на севере Московской области и находится сейчас в музейно-усадебной «Коломенское», надпись на нем гласит: «(Лет)а 6194 <1686>-го (пр) отив 1 го числа на сем месте (у)биен от разбойников раб Божий стряпчей ...ъ Мокеевич Пустошкин... поставлен повел...» [Золотов 1986, 266—268]. Третий, шестиконечный крест из белого известняка найден недалеко от станции Жилево, на нем выбито: «Л(е)та 7200 / 2 году <1693> ная/бря въ 9 де(нь) у(би) ен / рабъ Б(о)жи(й) / Зенов(ий)». Крест стоял в глухом лесу, в 4 км к юго-западу от д. Ситне-Щелканово по направлению к р. Лопасне. Примечательно, что урочище, в котором был найден крест, носит название «Полчиха»; там, по преданию, происходила битва между русскими и татарами, вероятно, это отзвуки битвы при Молодях 1571 г., когда отдельные группы разгромленных войск Девлет-Гирея преследовались в лесах по Лопасне [Золотов 1960, 333—335]. Четвертый крест поставлен на окраине г. Старицы, где скончался, упав с воза, крестьянин из ближней деревни, о чем свидетельствует эпитафия: «1756 года генваря 26 дня на сем месте Иван заступился с воза дров Старицкого купца Петра Опонешникова сын Васильев идущим сим путем просим помянуть». В 1908 г. на территории Кремля, на месте гибели князя Сергея Александровича Романова, взорванного террористом в 1905 г., был освящен и открыт памятник-крест, выполненный по проекту В. М. Васнецова. Памятник снесли в 1918 г. и воссоздали в 1998 г. после перенесения останков князя в Новоспасский монастырь.

Функционально и прагматически традиция воздвижения крестов-кенотафов коррелирует с современной практикой установки временных и по-

² От греч. *kenos* — пустой и *táphos* — могила. Хотя далеко не все памятники этого типа являются кенотафами в прямом смысле этого слова, то есть не имитируют могилу. Традиция установки памятных мемориалов, имитирующих захоронение, была распространена среди многих народов, в том числе в Древней Греции, Средней Азии, Риме, Египте. Это делалось как в тех случаях, когда по каким-либо причинам невозможно было захоронить прах покойного, либо в ритуальных целях, наряду с реальным захоронением (например, сооружение пустой, дублирующей, гробницы для фараона в Древнем Египте) [Тишкин, Грушин 1997].

стоянных памятных знаков на местах автомобильных аварий с летальным исходом, случаев смерти на воде, убийств, пожаров, а также в память о жертвах трагедий, унесших большое количество жизней: террористических актов, крушений самолетов, поездов, кораблей и природных катастроф³.

Создание храмов «на крови» — еще одна мемориальная традиция, насчитывающая не одно столетие. Уже первый русский храм X в., церковь Рождества Богородицы в Киеве (Десятинная), являлся памятником на месте убийства мучеников-христиан Иоанна и Федора. Он был построен на месте языческого капища и символизировал победу христианства над язычеством, а впоследствии стал местом погребения княгини Ольги и князя Владимира [Святославский 2004, 17]. На местах убийства святых князей Бориса и Глеба в середине XI в. были основаны монастыри на реках Альте и Смядыни.

Во 2-й половине XIX — начале XX в. причиной нового всплеска устройства храмов «на крови» стал политический терроризм, направленный прежде всего на членов царской семьи и высокопоставленных чиновников. Одним из самых известных подобных храмов является Храм Воскресения Христова, «Спас-на-Крови», построенный в 1883 г. непосредственно на месте смертельного ранения императора Александра II на набережной Екатерининского канала (Санкт-Петербург) 1 марта 1881 г. от рук террориста.

В память великого князя Сергея Александровича не только был установлен крест, о котором я упоминала выше, но и сооружен храм в Москве. Это храм-памятник во имя Ватопедской иконы Божией Матери, именуемой «Отрада и утешение», был заложен весной 1907 г. на Ходынском поле в день рождения Великого князя и освящен в 1909 г. [Храм 1997]. Раньше по внутренним стенам церкви располагались мемориальные доски из белого мрамора с именами убитых по политическим мо-

тивам в 1904–1907 гг. («верных долгу и присяге царских слуг, павших за царя и отечество от руки злодеев-революционеров»), всего 1850 имен; в 1991 г. храм был восстановлен [Святославский 2004, 50–51].

В настоящее время традиция строительства храмов «на крови» продолжается. Они создаются в память как об исторических событиях прошлого, так и о современных трагедиях, как правило, повлекших гибель большого количества людей. 16 июля 2003 г. был освящен Храм-на-Крови во имя Всех святых, в земле Российской просиявших, на месте Ипатьевского дома в Екатеринбурге, где в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. расстреляли отрекшегося от российского престола Николая II и его семью.

На крови жертв политических репрессий советского периода строятся храмы и часовни, а также возводятся кресты. 30 октября, в День памяти жертв политических репрессий, они становятся площадками, где проходят панихиды и гражданские митинги. Храмы, часовни и кресты (наряду с культовыми сооружениями других религий, к которым принадлежали жертвы) становятся обязательными компонентами мемориальных центров. Например, на Бутовском полигоне, крупнейшем в Московском регионе месте массовых расстрелов и захоронений, действуют два храма: деревянный храм Святых новомучеников и исповедников Российских и собор Воскресения Христова. В 2002 г. была освящена Часовня во имя Новомучеников и исповедников Российских в Тесницком лесу под Тулой, где располагался Тесницкий полигон и военная часть, сейчас это место захоронений более 2,5 тыс. жертв массовых расстрелов 1937–1938 гг.

В конце XX — начале XXI в. террористические атаки изменили свое направление, их жертвами все больше становятся не руководители стран и их семьи, а мирные граждане, часто наиболее незащищенные — дети, чья гибель вызывает наибольший резонанс в мире. На крови жертв террористических актов сейчас строятся два храма: храм Святых равноапостольных

³ Подробнее о стихийных мемориалах по случаю трагических событий см.: [Громов 2013, 77–79; Соколова 2014; Соколова, Юдкина 2012, 153–156].

Мефодия и Кирилла в память о жертвах теракта на Дубровке в Москве напротив здания Театрального центра, где 23—26 октября 2002 г. террористы удерживали в заложниках зрителей мюзикла «Норд-Ост», в результате чего погибло более сотни человек. Также идет строительство храма во имя Новомучеников и исповедников Российских во дворе бывшей школы № 1 г. Беслана в Северной Осетии, где в 1—3 сентября 2004 г. произошла трагедия, унесшая жизни более 300 человек⁴.

По сравнению с террористическими угрозами, войны — более древнее явление в истории. Войны и военные конфликты, в которые оказывается вовлеченной огромная часть жителей, — это безусловная травма, которая переживается продолжительное время. Память о войне может выражаться двояко: с одной стороны, это триумфальные памятники (светские и религиозные), прославляющие победы, а с другой — братские могилы и мемориалы на захоронениях, выражающих скорбь о погибших воинах и мирных жителях. Эти два направления — триумфальное и мемориальное — сосуществуют, оказывая взаимовлияние в пластических формах и ритуалах.

Мемориальное измерение проявляется прежде всего в военных захоронениях. Их существует несколько видов: братские могилы с насыпью разной высоты и, как правило, с крестом, церковью или часовней (в дореволюционный и постсоветский периоды); военные кладбища и одиночные могилы, особым подвидом являются памятники Неизвестному Солдату⁵.

Курган — одна из древнейших форм захоронений, в том числе и военных; он являлся также местом поминальных обрядов. Появление курганной насыпи над захоронением считается одной из стадий развития надгробия, во времена язычества на ней могли размещаться статуя или столб, который также использовался на одном из этапов за-

хоронения и/или устанавливался при алтаре на кургане при усложнении обряда; насыпь могла быть обнесена оградой [Фризин 2001, 228]. А. С. Уваров разделял курганы и боевые насыпи, возведение которых объяснялось чисто прагматически: для захоронения тел убитых на поле боя солдат легче их засыпать землей, чем рыть глубокую могилу [Уваров 1872, 73]. Тем не менее после утверждения христианства курган продолжал использоваться как вид военного захоронения с оформленным православным мемориальным смыслом. Примером этого является курган, увенчанный крестом и обнесенный оградой, который возвели над братской могилой арзамасцев и рязанцев, павших в битве под Зарайском в 1608 г. Считается, что Петр I собственноручно насыпал курган и устанавливал крест над могилой воинов, погибших под Полтавой [Кияновский 2001, 332—345]. Новое рождение курганы получили в связи с мемориализацией Великой Отечественной войны, причем данная традиция претерпела существенную трансформацию: от насыпи над захоронением к памятнику, являющемуся одним из главных элементов мемориальных комплексов, став не просто курганами, а курганами Славы или Бессмертия. Можно выделить три группы советских курганов: 1) курганы, насыпанные непосредственно над реальным захоронением или перезахоронением (например, курган в пос. Кестеньга в Республике Карелия и Холм Славы под Зеленоградом в Московской обл.); 2) курганы, включающие перенесенные останки нескольких солдат или Неизвестного солдата (например, курганы у д. Быковка, пос. Арсеньево, г. Белева и г. Плавска в Тульской обл.); 3) курганы-кенотафы (курганы в Брянске, Минске, Одессе и г. Веневе Тульской обл.)⁶. Сейчас рядом с мемориалами советского времени, в том числе курганами, сооружаются храмы, часовни и кресты, а также устанавливаются иконы (как правило, в честь Георгия Победоносца, Сергия Радонежского или Николая

⁴ Подробнее о мемориализации Бесланской трагедии см.: [Юдкина 2014 (в печати)].

⁵ Подробнее о культе Неизвестного Солдата в мировой военной практике см.: [Капдевила, Вольдман, 37—38].

⁶ Впрочем, часто к курганам-кенотафам привозили землю с мест, где проходили бои.

Чудотворца). Таким образом, возобновляется многовековая традиция, прерванная в советский период.

Уникальным мемориальным проектом дореволюционной России являлось Московское городское **Братское кладбище** во Всехсвятском, открывшееся в 1915 г., для погребения воинов Первой мировой войны, умерших в московских лазаретах, и сестер милосердия Московских общин. По проекту архитектора Р.И. Клейна, к стоящему в центре кладбища храму должны примыкать две галереи, в которых располагались бы музеи литературы Первой мировой войны и трофеев. Однако к октябрю 1917 г. была освящена только временная часовня и произошла закладка храма, а также захоронено некоторое количество воинов. Во время «красного террора» кладбище стало местом расстрелов и постепенно было разорено; на его месте разбили сквер и построили кинотеатр «Ленинград» [Святославский 2004, 161—163]. В настоящее время мемориал переживает второе рождение: сооружена новая часовня, установлены памятные знаки, а в дни памяти проводятся крестные ходы.

В XXI в. идея создания мемориального кладбища нашла воплощение в Федеральном военном мемориальном кладбище в Мытищах, которое было открыто 22 июня 2013 г. Оно призвано стать крупнейшим национальным пантеоном, где будут захоронены прежде всего Герои Советского Союза и Герои России, а также представители военной, политической, культурной и научной элит. Это мемориальное кладбище беспрецедентно по своим размерам, оно рассчитано на 30 тыс. захоронений и 10 тыс. мест колумбария. Кладбище также включает музей, площадь и залы для поминовения, аллею Героев и большой архитектурный комплекс (24 фигуры российских воинов разных времен, а также монумент «Скорбь» в виде скульптуры женщины-матери с Вечным огнем) [Гаврилов 2013].

Православный **храм-памятник** — один из древнейших типов увековечения памяти о военных сражениях и их жертвах. В некоторых храмах погребались останки воинов. Так, один из самых грандиозных и оригинальных

военных мемориалов своего времени **мавзолей-поминальный храм** (подтип храма-памятника) в стиле ампира построен в 1823 г. учеником А. Н. Воронихина Н. Ф. Алферовым на месте братской могилы воинов, павших при взятии Казани в 1552 г. Через сто лет бюро Татарского обкома РКП(б) решило ликвидировать памятник «покорения русскими татар», однако реализация данного постановления затянулась и впоследствии была заменена реконструкцией, которая также не состоялась из-за несовершенства предложенных проектов, недостатка финансовых средств и признания Отделом по делам музеев и охране памятников искусства и старины Главнауки Наркомпроса РСФСР данного памятника «выдающимся архитектурным сооружением, принадлежащим мировой культуре» [Малышева 2009, 137—140]. Еще одним подтипом храма-памятника является **храм-усыпальница**, например Владимирский Адмиралтейский собор в Севастополе, ставший усыпальницей флотоводцев-адмиралов Крымской войны 1853—1856 гг. В. А. Корнилова, М. П. Лазарева, П. С. Нахимова, В. И. Истомина [Святославский 2004, 42].

С принятием христианства получила распространение традиция строительства так называемых **обыденных церквей**, когда в один день («об один день») возводится храм от основания до креста и служит торжественная служба. Еще одним подтипом можно считать монументальный **памятник-часовню**; например, часовню Александра Невского в Москве — памятник грендерам, павшим под Плевной во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Другими видами, своего рода духовными памятниками военных событий можно считать канонизацию героев и соответственно написание икон с их ликами, установление особых дней памяти и крестные ходы в их честь.

Как правило, на поле боя или в городе сначала устанавливался памятный крест и/или «голбец», позднее возводилась часовня и, если появлялась возможность, строился храм, вокруг которого впоследствии мог вырасти монастырь [Гарькавый 2010]. Так, увековечивание памяти сражавшихся и павших

при Бородине началось с основания вдовой героя Бородинского сражения генерала А. А. Тучкова Маргаритой Тучковой (в схиме Марии) храма во имя Нерукотворенного Образа Спасителя. Он был построен в 1820 г. на том месте, где 26 августа 1812 г. погиб в бою генерал Тучков. Впоследствии вокруг храма-памятника был основан Спасо-Бородинский женский монастырь, настоятельницей которого стала игуменья Мария. После кончины игуменьи в 1852 г. ее домик фактически превратился в музей, который был разрушен во время Великой Отечественной войны и восстановлен в 1994 г. **Музей**, в свою очередь, может рассматриваться как новый тип военного памятника.

В XVII в. начинает активно развиваться светская мемориальная культура. При Петре I началось возведение **светских военных памятников**, связанных с военными победами (например, скульптурная группа в Летнем Саду в честь Нейштадского мира). Екатерина Великая продолжила возведение величественных памятников (obelisks и ростральных колонн) в парках и других публичных местах. При Павле I Марсово поле в Петербурге стало превращаться в российский пантеон: были установлены памятник Суворову и obelisks в честь военных побед графа Румянцева. Если в Екатерининскую эпоху памятники возводились за счет государственной казны, то в царствование Александра I начались народные подписки на сооружение таких памятников, как «Куликово поле», «Полтава», «Минину и Пожарскому» и Храм Христа Спасителя в честь победы в Отечественной войне 1812 г. При Николае I была создана целая сеть военных памятников русским победам не только по всей России, но и за границей (в Польше и Венгрии) [Кияновский 2001, 332—352], таким образом, осуществлялось символическое присутствие Российской империи на подконтрольных территориях.

Как мы видим, к 1917 г. в России сложилась целая палитра типов православных военных памятников: храмы-памятники, храмы-усыпальницы (или храмы-мавзолеи), часовни, ча-

совни-памятники, монастыри (все они частично выполняли музейные функции, сохраняя личные вещи павших и другие артефакты), кресты и иконы. Дореволюционная мемориальная культура включала и светские формы — монументальные памятники (obelisks, колонны, бюсты, скульптуры, пирамиды, башни). Все эти формы не противоречили друг другу, они могли органично сосуществовать в едином ансамбле и дополнять друг друга. Дореволюционная мемориальная культура (речь идет прежде всего о ее православных формах), была прервана в советские годы, однако многие ее элементы, формы и визуальные образы впоследствии были восприняты и переосмыслены советской мемориальной культурой, а впоследствии и постсоветской. Таким образом, традиционные мемориальные формы успешно используются и встраиваются в современные коммеморативные процессы⁷.

На мой взгляд, изучение процессов мемориализации весьма перспективная тема, которую можно исследовать разными методами. С одной стороны, мемориальные практики являются частью похоронно-поминальной обрядности. В этой перспективе можно анализировать степень «материализации скорби» в современной культуре по сравнению с дореволюционной, когда основные способы выражения памяти и преодоления скорби были нематериальными (прежде всего, индивидуальная и коллективная молитва, дни особого церковного поминовения усопших), а материальные средства выражения носили дополнительный характер. Также можно изучать трансформации, которую претерпели представления о посмертном существовании человека, в результате которых оно одинаково связывается как с местом гибели, так и с местом захоронения [Соколова 2013, 188—189].

⁷ Безусловно, за исключением скудельниц, которые сейчас невозможны не только по санитарным соображениям, регламентированным законом, но и поскольку те категории покойников, которые погребались там, не воспринимаются современной культурой как маргинальные.

С другой стороны, данные практики трансформируются под воздействием внешних по отношению к традиции социально-экономических факторов. Они встраиваются в мировые процессы, связанные не только с рыночной экономикой и политической ситуацией, но и с медиадискурсом и процессами глобализации, их «коммеморативное» измерение всё больше дополняется «перформативным» [Santino 2006, 2]. Немаловажную роль в столь широком распространении данных практик именно в последние десятилетия играет также их «интерактивное» качество [Громов 2013, 79]. Это становится возможным, благодаря широкой представленности как самих мемориалов (что, в свою очередь, ведет к созданию и ретрансляции определенных шаблонов), так и информации о проведении акций памяти в медийных ресурсах.

В данной статье я разобрала примеры главных традиционных форм увековечения памяти о травматических событиях в российских городах, выраженных прежде всего в архитектурных формах и поминальных практиках, с ними связанных. Я сознательно ограничила географию использованного материала, сосредоточившись на примерах из Центральной России, а также ее северорусских и южных областей. Привлечение и анализ источников из других регионов представляет отдельный вектор исследований данной тематики.

Литература

- Александр 2012 — *Александр Дж.* Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5—40. URL: http://www.isras.ru/files/File/Sociologymagazin/Socmag_03_2012/01_Alexander.pdf (дата обращения: 20.03.2014).
- Ассман 2004 — *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М., 2004.
- Бутовский полигон — Бутовский полигон. URL: http://www.martyr.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=10&Itemid=3 (дата обращения: 28.10.2013).
- Гаврилов 2013 — *Гаврилов Ю.* У подвига есть имена. URL: [\[rg.ru/2013/06/22/panteon-site.html\]\(http://rg.ru/2013/06/22/panteon-site.html\) \(дата обращения: 30.10.2013\).](http://www.</p>
</div>
<div data-bbox=)

Гарькавый 2010 — *Гарькавый И.* Мемориальные традиции: истоки и практика // 60 параллель. 2010. № 1 (36). URL: <http://www.journal.60parallel.org/ru/journal/2010/38/378> (дата обращения: 20.08.2013).

Голубинский 1881 — *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. М., 1904. Т. 1, 2 пол. тома. М., 1881.

Громов 2013 — *Громов Д. В.* Обрядность в городском ландшафте: объекты и практики // Традиционная культура. 2013. № 4. С. 71—82.

Епископ Афанасий 1995 — *Епископ Афанасий (Сахаров).* О поминовении усопших по уставу Православной Церкви. СПб., 1995. URL: http://krotov.info/library/18_s/ah/arov_af1.html (дата обращения: 28.10.2013).

Жен-Мироносиц — Жен-Мироносиц со Скудельниц // Храмнагорке.ру. URL: <http://hramnagorke.ru/gloss/104/1949/> (дата обращения: 28.10.2013).

Житие 1992 — *Житие Преподобного Даниила Переяславского* // Троицкий патерик. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992. С. 198—199. URL: http://www.saints.ru/d/20_Daniil.html (дата обращения: 28.10.2013).

Зеленин 1995 — *Зеленин Д. К.* Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995.

Золотов 1960 — *Золотов Ю. М.* Каменный крест XVII в. со станции Жилево // Советская археология. 1960. № 3. С. 333—335.

Золотов 1986 — *Золотов Ю. М.* Памятный крест по стряпчем Пустошкине // Советская археология. 1986. № 1. С. 266—268.

Итоговый документ 2005 — Итоговый документ круглого стола «Организация пространства мест массовых захоронений жертв социальных катастроф в России XVI — начала XX веков» (Москва, 14.04.2005 г.). URL: <http://archive.martyr.ru/content/view/52/20/> (дата обращения: 28.10.2013).

Капдевила, Вольдман — *Капдевила Л., Вольдман Д.* От личного номера до генетического кода: обращение с останками лиц, погибших на войне, личность которых требуется установить // Международный журнал Красного Креста. № 848. URL: <http://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/5hvgrl.htm> (дата обращения: 05.03.2014).

Карамзин 1998 — *Карамзин Н. М.* История Государства Российского: XII том в 4 кн. Кн. 4. Т. X—XII. М., 1998.

Кияновский 2001 — *Кияновский М. И.* Русские военные памятники // Ставрографический сборник. Кн. I. М., 2001. С. 331—360.

- Костомаров 1860 — *Костомаров Н. И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб., 1860.
 - Лебедева 2012 — *Лебедева Е. В.* Убогие дома // Православие.ру. URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/070712120343.htm> (дата обращения: 27.12.2012).
 - Летопись 1856 — Полное собрание русских летописей. Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856.
 - Малышева 2009 — *Малышева С., Сальникова А.* Российский провинциальный город 1920-х годов: визуализация «советскости» // Визуальная антропология: городские карты памяти / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой (Библиотека Журнала исследований социальной политики). М., 2009. С. 121—142.
 - Милютин 1850 — *Милютин И.* Описание Москвы и ее достопримечательностей. Кн. I. М., 1850.
 - Новгородские летописи 1897 — Новгородские летописи // Полное собрание русских летописей. Т. III. Вып. 2. Новгородские летописи. СПб., 1897.
 - Святославский 2004 — *Святославский А. В.* Традиция памяти в Православии. М., 2004.
 - Снегирев — *Снегирев И. М.* Покровский монастырь, что на Убогих домах в Москве // Соч. И. М. Снегирева. С двумя видами монастыря. Восьмой выпуск Русских достопримечательностей. Издание А. Мартынова. М., 1872 // Покров-монастырь.ру. URL: http://www.pokrov-monastir.ru/?include=static&page_id=54 (дата обращения: 28.10.2013).
 - Снегирев 1826 — *Снегирев И. М.* О скудельницах или убогих домах в России // Труды и записки Общества истории и древностей российских. Ч. 3. Кн. 1. М., 1826.
 - Снегирев 1838 — *Снегирев И. М.* Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 111. М., 1838.
 - Соколова 2013 — *Соколова А. Д.* Трансформации похоронной обрядности у русских в XX — начале XXI вв. (на материалах Владимирской области): Дисс. ... канд. историч. наук. М., 2013.
 - Соколова 2014 — *Соколова А. Д.* Спонтанная мемориализация в городском ландшафте: случай ярославского «Локомотива» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2014. № 1 (32). С. 67—106.
 - Соколова, Юдкина 2012 — *Соколова А. Д., Юдкина А. Б.* Памятные знаки на местах автомобильных аварий // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 150—164.
 - Софийская 2001 — Софийская вторая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 2. Софийская вторая летопись. М., 2001.
 - Сытин 1947 — *Сытин П. В.* По старой и новой Москве. М., 1947.
 - Сытин 1958 — *Сытин П. В.* Из истории московских улиц. М., 1958.
 - Терещенко 1848 — *Терещенко А.* Быт русского народа. Ч. VI. СПб., 1848.
 - Тишкин, Грушин 1997 — *Тишкин А. А., Грушин С. П.* Что такое кенотаф? // Известия лаборатории археологии: межвуз. сб. науч. трудов. Горно-Алтайск, 1997. С. 42—49.
 - Тульцева 2001 — *Тульцева Л. А.* Рязанский месяцеслов. Рязань, 2001.
 - Уваров 1872 — *Уваров А. С.* Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1872.
 - Ушакин 2009 — *Ушакин С.* «Нам этой болью дышать»? о травме памяти и сообществах // Травма: пункты: Сб. статей / сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М., 2009. С. 5—44.
 - Фризин 2001 — *Фризин Н. Н.* Деревянные надгробия Русского Севера: некоторые варианты развития пространственной структуры // Ставрографический сборник. Кн. I. М., 2001. С. 199—235.
 - Храм 1997 — Храм иконы Божией Матери «Отрада и утешение». URL: http://www.bishop-irinarkh.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=16:2011-04-11-10-02-34&catid=20:2011-04-11-09-58-48&Itemid=24 (дата обращения: 28.10.2013).
 - Штомпка 2001 — *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2011. № 1. URL: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/01-2001/Shtompka.pdf> (дата обращения: 28.10.2013).
 - Юдкина 2014 — *Юдкина А. Б.* Мемориализация Бесланской трагедии // Этнографическое обозрение. 2014. № 2. С. 48—61 (в печати).
 - Яшкина 1998 — *Яшкина (Панченко) В. Б.* К вопросу о распространении каменных крестов Древней Руси. URL: <http://www.rusarch.ru/panchenko1.htm> (дата обращения: 19.12.2012).
 - Santino 2006 — *Santino J.* Spontaneous Shrines and the Public Memorialization of Death / ed. by Jack Santino. Palgrave Macmillan, 2006.
- Summary.** The article deals with such traditional memorial forms for traumatic events in Russia, as skudelnitsy, crosses-cenotaphs, various types of Orthodox churches-monuments and war memorials. Also the author examines commemorations related to them and analyzes historical and pragmatic contexts of their creation, as well as their influence on contemporary memorial processes.
- Key words:** Russian memorial traditions, skudelnitsa, cenotaphs, tumulus, churches 'on the blood'.